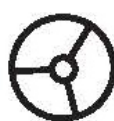
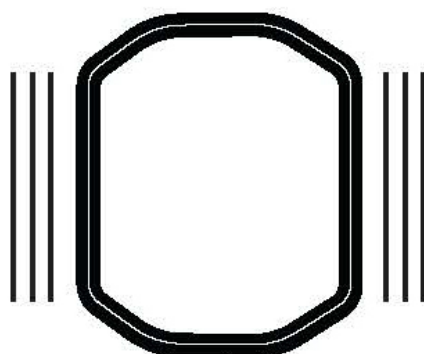
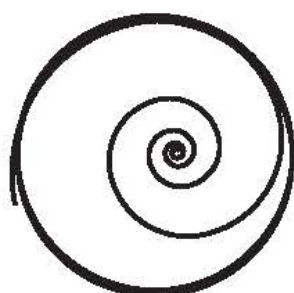
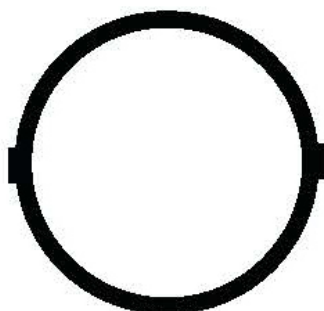
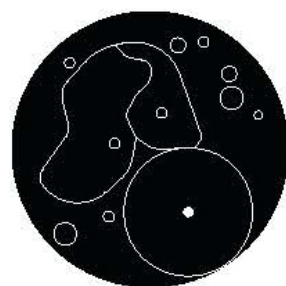
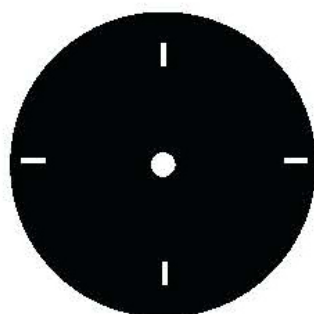
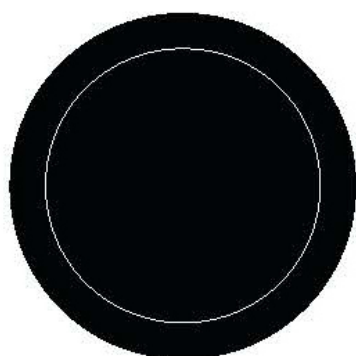

ФИГУРЫ ФИЛОСОФИИ

ЖАН БОДРИЙЯР

СИСТЕМА ВЕЩЕЙ

Фигуры Философии

Жан Бодрийяр
Система вещей

«РИПОЛ Классик»

1968

УДК 14
ББК 87

Бодрийяр Ж.

Система вещей / Ж. Бодрийяр — «РИПОЛ Классик»,
1968 — (Фигуры Философии)

ISBN 978-5-386-13694-9

Жан Бодрийяр — французский философ-постмодернист и одна из крупнейших фигур гуманитарной науки второй половины XX века. Ему принадлежат такие концепции, как «гиперреальность», «симулякр» и «абсолютное событие», которые прочно закрепились в актуальной философии и теории современности. «Система вещей» — это одна из первых работ Жана Бодрийяра, в которой он разворачивает мощную критику общества потребления, намечая всю дальнейшую проблематику своей философии. Он выявляет характерные черты такого общества и акцентирует внимание на том влиянии, при котором пассивное изобилие превращается в активный элемент общественного сознания и человеческих взаимоотношений. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 14
ББК 87

ISBN 978-5-386-13694-9

© Бодрийяр Ж., 1968
© РИПОЛ Классик, 1968

Содержание

О первой книге Жана Бодрийяра	6
Введение	8
А. функциональная система, или Дискурс объекта	13
I. Структуры расстановки	13
Традиционная обстановка	13
Современная вещь, свободная в своей функции	14
Интерьер-модель	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Жан Бодрийяр

Система вещей

Серия «ФИГУРЫ ФИЛОСОФИИ» – это библиотека интеллектуальной литературы, где представлены наиболее значимые мыслители XX–XXI веков, оказавшие колоссальное влияние на различные дискурсы современности.

Книги серии – способ освоиться и сориентироваться в актуальном интеллектуальном пространстве.

LE SYSTEME DES OBJETS

Jean Baudrillard

Перевод с французского С. Н. Зенкина

© Editions GALLIMARD, Paris, 1968

© Зенкин С.Н., перевод на русский язык, 1995

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»,
2020

О первой книге Жана Бодрийяра

«Система вещей» вышла впервые в 1968 году и сразу принесла славу своему автору, французскому ученому и эссеисту Жану Бодрийяру (род. в 1929 г.). Целая сфера современного общественного быта – потребление товаров, вещей – открылась в ней для исследования строгими научными методами и одновременно для глубокой социальной критики.

Потребление, по мысли Бодрийяра, – это характерно современный феномен, определяющий признак так называемого общества изобилия. В таком обществе использование вещей не исчерпывается их простым практическим применением (какое имело место всегда и всюду) или даже их семиотическим применением как знаков отличия, богатства, престижа и т. д. (что тоже встречается во всех человеческих обществах). Потребление – это интенсивный процесс выбора, организации и регулярного обновления бытовых вещей, в котором неизбежно участвует каждый член общества. Приобретая вещи, человек стремится к вечно ускользающему идеалу – модному образцу-модели, опережает время благодаря покупке в кредит, пытается зафиксировать и присвоить себе время, собирая старинные, коллекционные вещи. Свои фантазмы и тревоги он проецирует на технические игрушки современной цивилизации – так называемые «гаджеты», на сложные автоматы и полужантасических роботов, этот гибрид вещи и человека. Для утверждения и регулирования такого способа обращения с вещами служит реклама, цель которой – не столько способствовать продаже того или иного конкретного товара, сколько внедрять в сознание людей целостный образ общества, «одаривающего» своих членов материальными благами. Понятое таким образом, потребительство не знает предела и насыщения, поскольку имеет дело не с вещами как таковыми, а с культурными знаками, обмен которыми идет непрерывно и бесконечно, со все нарастающей скоростью. Эти знаки четко соотносятся друг с другом в рамках структурного кода, зато все больше отрываются от референтного, то есть собственно человеческого (личностного или родового) смысла; это знаки дегуманизированной культуры, в которой человек отчужден.

«Система вещей» вышла в пору расцвета французского структурализма и поначалу могла восприниматься как одно из произведений этого научного направления. Действительно, Бодрийяр широко пользуется лингвистическими категориями структуральной семиотики – прежде всего понятием «коннотации», дополнительного смысла, приписываемого обществом обычному знаку или, в данном случае, вещи; он открыто опирается на опыт Ролана Барта, который в книге «Мифологии» (1957) обосновал это понятие и в работах последующих лет стремился распространить семиотические методы на сферу повседневного быта. Само название книги Бодрийяра – «Система вещей» – соотносится с заголовком последней на тот момент работы Барта «Система моды» (1967), с которой ее сближает и задача методического описания легковесной, казалось бы, сферы бытовых вкусов и привычек как стройной многоуровневой системы значений. Однако первая книга Бодрийяра уже содержит в себе и неявную критику структурализма: дело в том, что системное манипулирование вещами-знаками, которым занимается структуралист-аналитик, имеет себе соответствие и на уровне самого «общества потребления» – например, в той же деятельности коллекционера. Структурный метод из научного метаязыка, метода критики современного общества незаметно превращается в один из объектов критического анализа. Подобное происходит в «Системе вещей» и с марксизмом, популярным в то время среди французских интеллектуалов (не лишне напомнить, что книга вышла в 1968 году – в год «студенческой революции» в Париже, причем застрельщиками массовых выступлений явились тогда студенты Нантерского университета – того самого, где преподавал социологию Жан Бодрийяр). С одной стороны, в книге сделана попытка углубить марксистскую критику буржуазного общества, выявив механизмы подчинения, отчуждения личности не только в сфере товарного производства, но и в сфере потребления, которую марк-

систы до тех пор были скорее склонны считать прибежищем человеческой свободы и индивидуальности. С другой стороны, такое углубление и расширение перспективы вскоре показало Бодрийяру, что сам феномен капиталистического производства в новейшую эпоху уже не является центральным и определяющим, что он сам включен в систему знаковых отношений на правах более или менее условной подсистемы. Поэтому Бодрийяру пришлось заменить политическую экономию материального производства и обращения более обобщенной «политической экономией знака» («К критике политической экономии знака», 1972), а само производство предстало ему обманчивым призраком-симулякром, кривым зеркалом общественного сознания («Зеркало производства», 1973).

В «Системе вещей» впервые вводится, хотя и без четкого определения, это центральное понятие зрелого Бодрийяра – «симулякр», то есть ложное подобие, условный знак чего-либо, функционирующий в обществе как его заместитель. Примеры, приводимые автором книги (например, симулякр природности, которой искусственно окружает себя отдыхающий «на лоне природы» отпускник, или же симулякр истории, ностальгически обустроиваемый хозяином современного дома путем включения в его конструкцию остатков старинной фермы, разрушенной при его строительстве), показывают, что он и здесь исходит из размышлений Ролана Барта об обманчивой «натурализации» идеологических значений, о превращении реальной природы (или же истории) в условный знак природности или историчности. Правда, в своем анализе бытовых вещей Бодрийяр еще выделяет «нулевой уровень» симуляции – уровень чисто функциональных, собственно технологических задач и решений, которые внутренне не зависят от знаковой системы потребления, однако могут искажаться и сдерживаться ею в своем развитии. Именно под давлением этой системы, пишет он вслед за другими социологами (Льюисом Мамфордом, Эдгаром Мореном), бытовая техника уже несколько десятилетий переживает стагнацию, не обогащаясь какими-либо принципиально новыми объектами и решениями; в скором будущем его безрадостная констатация была опровергнута появлением такой революционной технической новинки, как персональный компьютер... В позднейших своих работах – и, пожалуй, только в этом отношении «Система вещей» может считаться его «ранней» книгой – Бодрийяр был вынужден оставить идею «настоящей» технической реальности вещей, опираясь на которую можно было бы вести критику неподлинных подобий; симулякры у него все более и более заполняют мир, не давая никакого доступа к «подлинности». Такая обобщенная критическая теория современного мира как мира знаков и подобий выдвинула зрелого Бодрийяра в ряд ведущих теоретиков так называемого постмодернистского состояния общества, которому соответствуют и новейшие формы постмодернистского искусства (их анализу также посвящены многие тексты Бодрийяра 70-90-х годов).

Первая книга Жана Бодрийяра, как и вообще его творчество, отличается ясностью изложения, парадоксальным остроумием мысли, блеском литературно-эссеистического стиля. В ней новаторски ставятся важнейшие проблемы социологии, философии, психоанализа, семиотики и искусствознания. Для России, с запозданием приобщившейся или приобщающейся к строю общества потребления, эта книга сегодня особенно актуальна, помогая трезво оценить человеческие возможности подобного общества, перспективы личностного самоосуществления живущих в нем людей.

С. Зенкин

Введение

Поддается ли классификации буйная поросль вещей – наподобие флоры или фауны, где бывают виды тропические и полярные, резкие мутации, исчезающие виды? В нашей городской цивилизации все быстрее сменяют друг друга новые поколения продуктов, приборов, «гаджетов», в сравнении с которыми человек выступает как вид чрезвычайно устойчивый. Если вдуматься, их изобилие ничуть не более странно, чем бесчисленная множественность природных видов, а им человек уже составил подробную опись. Причем в ту самую эпоху, когда он начал делать это систематически, он сумел также создать в Энциклопедии исчерпывающую картину окружавших его бытовых и технических предметов. В дальнейшем равновесие нарушилось: бытовые вещи (о машинах здесь речи нет) стремительно размножаются, потребностей становится все больше, процесс производства заставляет вещи рождаться и умирать все быстрее, в языке не хватает слов, чтобы их именовать. Так возможно ли расклассифицировать этот мир вещей, меняющийся у нас на глазах, возможно ли создать его дескриптивную систему? Критериев классификации как будто почти столько же, сколько самих вещей: классифицировать вещи можно и по величине, и по степени функциональности (как вещь соотносится со своей объективной функцией), и по связанной с ними жестуальности (богатая она или бедная, традиционная или нет), и по их форме, долговечности, и по тому, в какое время дня они перед нами возникают (насколько прерывисто они присутствуют в поле нашего зрения и насколько мы это осознаем), и по тому, какую материю они трансформируют (это ясно в случае кофемолки – ну, а как быть с зеркалом, радио, автомобилем? А ведь любая вещь что-то трансформирует), и по степени исключительности или же обобщественности пользования (вещи личные, семейные, публичные, нейтральные), и т. д. Применительно к такому материалу, как вещи, которые все в целом находятся в состоянии непрерывной мутации и экспансии, любая такая классификация может показаться едва ли не столь же случайной, как алфавитный порядок. Уже в каталоге Сент-Этьенской Оружейной мануфактуры задавалась если не структура, то некоторые подразделения системы вещей, но там речь шла только о таких вещах, которые определяются своей функцией; каждой вещи там соответствует некоторая операция, зачастую ничтожная и причудливая, и нигде не затрагивается общая система значений¹. На гораздо более высоком уровне, у Зигфрида Гидиона («Mechanization takes command», 1948), слагающего настоящую эпопею технической вещи, ее историческая эволюция анализируется с точки зрения одновременно функциональной, формальной и структурной, отмечаются изменения в социальных структурах, связанные с этой технической эволюцией, но практически не дается ответа на вопрос, каким образом вещи переживаются, каким иным, нефункциональным потребностям они отвечают, какие психические структуры противоречиво переплетаются в них со структурами функциональными, на какой культурной, инфра- или транскультурной системе основано их непосредственно переживаемое бытование. Именно такие вопросы будут ставиться здесь. Таким образом, нам интересуют не вещи, определяемые в зависимости от их функции или же разделенные на те или иные классы для удобства анализа, но процессы человеческих взаимоотношений, систематика возникающих отсюда человеческих поступков и связей.

При изучении такой системы «вербализованных» вещей, то есть более или менее связной системы значений, ими устанавливаемых, обязательно предполагается, что в них имеется и иной, «невербальный» уровень, более строго структурированный и в структурном плане более глубокий, чем даже функциональное описание вещей, – а именно уровень технологии.

¹ Но, с другой стороны, само существование этого каталога как такового исполнено смысла: задуманный как исчерпывающая номенклатура, он обладает мощной культурной значимостью – он говорит нам, что вещи доступны лишь через посредство каталога, причем его можно листать и просто «для удовольствия», как некий чудо-справочник, сборник сказок, меню и т. п.

Такой технологический уровень представляет собой абстракцию: в повседневном быту мы практически не отдаем себе отчета в том, какова технологическая реальность наших вещей. Однако эта абстракция и есть глубочайшая реальность – именно ею определяются радикальные перемены в нашем бытовом окружении. Более того, она составляет – и здесь нет никакого парадокса – самое конкретное, что есть в вещи, поскольку структурная эволюция вещей – это и есть процесс технологического развития. Строго говоря, происходящее с вещью в технологической области – это существенное, тогда как происходящее с нею в области социопсихологических потребностей и практик – несущественное. В психологическом или социологическом дискурсе о вещах нам постоянно приходится учитывать и более связный уровень их структуры, не имеющий отношения к индивидуальному или коллективному дискурсу, – своего рода уровень технологического языкового кода (*langue*). Только исходя из этого кода, из связной технической модели, возможно понять и то, что происходит с вещами, когда они оказываются производимы и потребляемы, обладаемы и персонализируемы.

Необходимо, следовательно, с самого начала выделить в вещах план их рациональности, то есть их объективную технологическую структурность. Жильбер Симондон («Способ существования технических вещей», 1958) пишет об этом на примере двигателя внутреннего сгорания: «В современном моторе каждая сколько-нибудь важная деталь так тесно связана с другими через процессы энергетического обмена, что она уже не может быть другой... В зависимости от формы головки цилиндра, от металла, из которого она сделана, от их взаимосвязи с другими элементами цикла определяется степень нагрева электродов свечи зажигания; в свою очередь эта температура влияет на характеристики зажигания и всего мотора в целом.

Современный мотор конкретен, прежде же он был абстрактен. В старом моторе та или иная деталь участвует в цикле внутреннего сгорания лишь в определенный момент, а дальше уже как бы не воздействует на другие детали; части мотора подобны работникам, сменяющим друг друга в одном и том же трудовом процессе, но не знакомым между собой... Существует, таким образом, некая примитивная, абстрактная форма технической вещи, где каждая теоретическая или материальная единица понимается как некий абсолют, который для своего нормального функционирования должен образовывать замкнутую систему. При этом проблема интеграции деталей в целое распадается на ряд частных проблем, решаемых по отдельности... для каждой из основных частей мотора создаются особые структуры, которые можно назвать защитными: например, головку цилиндра для охлаждения делают ребристой. Эти ребра как бы приставлены извне к идеальному цилиндру и его головке, выполняя одну-единственную функцию охлаждения. В двигателях же последних лет эти ребра играют еще и механическую роль – служат ребрами жесткости, препятствующими деформации головки под давлением газов... Обе функции больше не различимы – образовалась единая структура, представляющая собой не компромисс, но взаимоналожение и конвергенцию двух функций. Ребристую головку можно сделать более тонкой, что позволяет добиться более быстрого охлаждения; то есть бивалентная система ребер охлаждения ребер жесткости синтезирует в себе две прежде различных функции, и притом выполняет их более качественно; интегрируя эти две функции, она превосходит каждую из них... Мы можем, таким образом, сказать, что эта структура конкретнее прежней и знаменует собой объективный процесс развития технической вещи; ибо реальная технологическая проблема заключается в том, чтобы добиться конвергенции функций в одной структурной единице, а не в том, чтобы искать компромисса между их противоречивыми задачами. В пределе такого движения от абстрактного к конкретному техническая вещь имеет тенденцию к превращению во всецело связную, всецело объединенную систему». Это очень важная мысль: в ней намечается такая внутренняя связность вещей, которая никогда нами не переживается, никогда не осознается в практическом обиходе. Технология излагает нам строго научную историю вещей, где антагонизмы функций разрешаются в рамках все более широких структур. При каждом переходе от одной системы к другой, более интегрированной, при каждой перестройке

внутри уже структурированной системы, при каждом синтезе различных функций возникает новый смысл, некая объективная смысловая структура, независимая от индивидов, которые ею пользуются; мы здесь находимся на уровне языкового кода, и по аналогии с лингвистикой эти простые технические элементы, которые отличны от реальных вещей и на сочетании которых основывается технологическая эволюция, можно назвать «технемами». На данном уровне могла бы возникнуть структуральная технология – наука об организации этих технем в более сложные технические объекты, об их синтаксисе в рамках простых технических комплексов (отличных от реальных вещей), а также о смысловых взаимоотношениях между этими различными вещами и комплексами.

Но подобная наука является строго применимой лишь в узких секторах техники – в лабораторных разработках или же в таких высокотехничных областях, как авиация, космонавтика, судостроение, большегрузные автомобили, сложные станки и т. д. Иными словами, там, где острая техническая необходимость позволяет в полной мере осуществиться требованиям структурности, где в силу коллективного, внеличного характера предметов сводится к минимуму воздействие моды. Легковой автомобиль всецело определяется комбинацией своих форм, тогда как технологический его статус (водяное охлаждение, цилиндровый двигатель и т. д.) остается чем-то второстепенным; напротив, в авиации по чисто функциональным причинам (безопасность, скорость, эффективность) приходится создавать в высшей степени конкретные технические изделия. В подобном случае линия технологической эволюции прорисовывается почти безукоризненно. Но такой структурно-технологический анализ явно не срабатывает в применении к системе *бытовых* вещей. Можно мечтать об исчерпывающем описании технем и смысловых отношений между ними, которое охватило бы весь мир реальных вещей; но все это не более чем мечты. Если мы соблазнимся использовать технемы как звезды в астрономии – то есть, по словам Платона, «так же, как в геометрии, с применением общих положений, а то, что на небе, оставим в стороне, раз мы хотим действительно освоить астрономию и использовать еще неиспользованное разумное по своей природе начало нашей души» («Государство», VII)², – мы немедленно столкнемся с психосоциологической переживаемостью вещей, которая независимо от их материальной ощутимости создает ряд своих требований, постоянно изменяющихся и нарушающих связность технологической системы. Здесь нас как раз и интересуют такие нарушения – то, как рациональность вещей борется с иррациональностью потребностей и как из такого противоречия возникает система значений, пытающаяся его разрешить; нас будет занимать только это, а не технологические модели, хотя именно на фоне их фундаментальной истинности и вырисовывается постоянно переживаемая реальность вещи.

Каждый из предметов нашего быта связан с одним или несколькими структурными элементами, но при этом обязательно ускользает от технологической структурности в сферу вторичных значений, от технологической системы в систему культуры. Наше бытовое окружение остается в значительной мере «абстрактной» системой: как правило, в нем уживается множество функционально разобщенных вещей, и лишь человек, исходя из своих потребностей, заставляет их сосуществовать в одном функциональном контексте, в малоэкономичной и мало-связной системе, подобной архаическому устройству примитивных бензиновых моторов; они являют собой набор частных, зачастую несвязанных или даже противоречащих одна другой функций. При этом современная тенденция такова, чтобы не искать разрешения этой несвязности, а просто отвечать на новые потребности все новыми вещами. В результате каждая вещь, прибавляясь к уже существующим, отвечает своей собственной функции, зато противоречит единству целого, а бывает даже, что одновременно и отвечает и противоречит своей же функции. Кроме того, поскольку на несвязность функций накладываются формально-технические коннотации, то возникает живо переживаемая, но несущественная система социализирован-

² Платон, Собр. соч. в 4-х тт., т. 3. М., 1994, с. 314. —Прим. перев.

ных или бессознательных, культурных или практических потребностей, которая сама воздействует на существенный технический строй вещей и делает сомнительным их объективный статус. Возьмем для примера кофемолку: в ней структурно «существенное», то есть самое конкретно-объективное, – это электромотор, энергия, получаемая с электростанции, законы выработки и преобразования энергии; уже менее объективна, так как связана с потребностями того или иного человека, ее конкретная функция помола кофе; и уж совсем необъективно, а стало быть, несущественно, то, что она зеленая и квадратная, а не розовая и трапециобразная. Одна и та же структура – электромотор – может конкретизироваться в различных функциях; функциональная дифференциация оказывается уже вторичной (и оттого может дойти до полной несвязности «гаджета»). В свою очередь, один и тот же функциональный предмет может конкретизироваться в различных формах – здесь мы вступаем в область «персонализация» изделий, в область формальных коннотаций, то есть в область несущественного. А вещи промышленного производства тем и отличаются от ремесленных изделий, что несущественные черты определяются здесь не случайными вкусами заказчика и исполнителя – они всецело систематизируются современным индустриальным производством³, которое через эти несущественные черты (и через универсальную комбинаторику моды) осуществляет свои собственные цели.

Такая чрезвычайная усложненность ведет к тому, что выделять автономную сферу технологии, делая возможным структуральный анализ в области вещей, приходится при иных предпосылках, чем в области языка. Если исключить предметы чисто технические, с которыми мы никогда не вступаем в субъективное отношение, то окажется, что два уровня – объективной денотации и коннотации (на котором вещь получает психическую нагрузку, идет на продажу, персонализируется, поступает в практический обиход и включается в систему культуры) – в современных условиях производства и потребления не поддаются точному разделению, как языковой код и речь в лингвистике. Технологический уровень не образует структурной автономии, где «речевые факты» (в данном случае – вещь как «вербализованный» предмет) были бы нерелевантны при анализе вещей, как нерелевантны они при анализе языковых фактов. Если раскатистое или грассирующее произношение «р» ничего не меняет в системе языка, то есть коннотативный смысл ни в чем не подрывает денотативных структур, то в вещи коннотация ощутимо изменяет и искажает ее технические структуры. В отличие от естественного языка, технология не образует стабильной системы. Технемы, в противоположность монемам и фонемам, постоянно эволюционируют. А коль скоро система технологии, находясь в состоянии перманентной революции, тем самым оказывается тесно привязана к временному бытованию «вербализирующих» ее вещей (так происходит и с системой языка, но в бесконечно меньшей мере); коль скоро цель подобной системы – помочь человеку в освоении мира и удовлетворить его потребности, – цель более конкретная и труднее отделимая от практики, чем коммуникация, составляющая цель языка; коль скоро, наконец, технология жестко обусловлена *социальными* факторами, состоянием технологических разработок, а тем самым и мировым строем производства и потребления (такого внешнего воздействия совсем не испытывает естественный язык), – то из всего этого вытекает, что система вещей, в отличие от системы языка, может быть *научно* описана лишь постольку, поскольку *вместе с тем* рассматривается как результат постоянного наложения бытовой системы на техническую. Действительное положение дел описывается не столько через внутренне связанные структуры техники, сколько через те способы, которыми быт воздействует на технику или, точнее говоря, сковывает ее. Словом, описание системы вещей невозможно без критики практической идеологии этой системы. На уровне технологии противоречия нет: здесь у вещей есть только их прямой смысл. Гумани-

³ Ныне, таким образом, становятся относительно систематичны сами модальности перехода от существенного к несущественному. Эта систематизация несущественного имеет социологические и психологические аспекты, у нее имеется также и идеологическая функция интеграции (см. раздел «Модели и серии»).

тарная же наука может быть лишь наукой о смысле *и* его нарушении – о том, каким образом связанная система техники диффундирует в бессвязную систему быта, каким образом «язык» вещей «вербализуется», каким образом эта система «речи» (или что-то среднее между языковым кодом и речью) устраняет систему кода. То есть, в итоге, о том уровне, где действует не абстрактная связность системы вещей, а ее непосредственно переживаемая противоречивость⁴.

Как мы видим, между комбинаторными вариантами и маргинальными различиями существует глубокая аналогия: и те и другие касаются несущественных черт, лишены релевантности, связаны с комбинаторикой и обретают свой смысл на уровне коннотации. Но есть и принципиальная разница: если комбинаторные варианты остаются внешними и безразличными по отношению к семиологическому плану денотации, то маргинальные различия именно что никогда не «маргинальны». Действительно, технология, в отличие от системы языка в лингвистике, составляет здесь не устойчивую методологическую абстракцию, воздействующую на реальный мир через изменчивость коннотации, но развивающуюся структурную схему, которая под действием коннотации (несущественных различий) становится фиксированной, стереотипной и регрессивной. Структурная динамика техники застывает на уровне вещей, в дифференциальной субъективности системы культуры, а та в свою очередь оказывает обратное действие и на уровне техники.

⁴ Ср.: Р.Барт. Основы семиологии. – В кн.: Структурализм: «за» и «против». М., 1975, с. 154–155. —Прим. перев.

А. функциональная система, или Дискурс объекта

І. Структуры расстановки

Традиционная обстановка

В расположении мебели точно отражаются семейные и социальные структуры эпохи. Типичный буржуазный интерьер носит патриархальный характер – это столовая плюс спальня. Вся мебель здесь, различная по своим функциям, но жестко включенная в систему, тяготеет к двум центральным предметам – буфету или кровати. Действует тенденция занять, загромождать все пространство, сделать его замкнутым. Всем вещам свойственна монофункциональность, несменяемость, внушительность присутствия и иерархический этикет. У каждого предмета строго одно назначение, соответствующее той или иной функции семьи как ячейки общества, а в более отдаленной перспективе это отсылает к представлению о личности как об уравновешенном наборе отличных друг от друга способностей. Предметы переглядываются между собой, сковывают друг друга, образуя скорее моральное, чем пространственное единство. Все они располагаются на одной оси, обеспечивающей регулярную последовательность поступков и символизирующей постоянную явленность семьи самой себе. В свою очередь, и каждый предмет в таком приватном пространстве усваивает себе свою функцию и получает от нее символическое достоинство; на уровне дома в целом межличностные отношения окончательно включаются в полузамкнутую систему семейства.

Все вместе это образует особый организм, построенный на патриархальных отношениях традиции и авторитета, в сердце же его – сложная аффективная соотнесенность его членов. Семейный дом – специфическое пространство, мало зависящее от объективной расстановки вещей, ибо в нем главная функция мебели и прочих вещей – воплощать в себе отношения между людьми, заселять пространство, где они живут, то есть быть одушевленными⁵. Реальная перспектива, в которой они живут, поработана моральной перспективой, которую они призваны обозначать. В своем пространстве они столь же мало автономны, как и члены семьи в обществе. Вообще, люди и вещи тесно связаны между собой, и в такой согласованности вещи обретают внутреннюю плотность и аффективную ценность, которую принято называть их «присутствием». Очевидно, именно из-за этой сложной структуры внутреннего пространства, где вещи очерчивают у нас перед глазами символические контуры фигуры, именуемой жилищем, – очевидно, именно из-за нее у нас в памяти столь глубоко запечатлевается образ родного дома. Разделенность внутреннего и внешнего пространства, их формальная противопоставленность в социальном плане собственности и в психологическом плане имманентности семьи превращают такое традиционное пространство в нечто замкнуто-трансцендентное. Вещи, словно антропоморфные боги-лары, воплощающие в пространстве аффективные связи внутри семейной группы и ее устойчивость, становятся исподволь бессмертными, до тех пор пока новое поколение не разрознит их, не уберет с глаз долой или же, в некоторых случаях, не восстановит их в правах ностальгически актуальных «старинных» вещей. Как нередко бывает и с богами, предметы обстановки порой обретают второе рождение, из наивного обихода перемещаясь в категорию культурных причуд.

Эта система «столовая – спальня», структура движимой собственности, соответствующая дому как структуре недвижимости, все еще пропагандируется рекламой в широких кругах

⁵ Кроме того, в них может быть – но может и не быть – вкус и стиль.

публики. Такие магазины, как «Левитан» или «Галери Барбес», по-прежнему внушают общественному вкусу нормы «декоративной» обстановки, пусть даже линии ее «стилизованы», а все убранство в целом уже не столь нас умиляет. Подобная мебель находит покупателя не потому, что стоит дешевле, а потому, что ею как бы официально санкционируется буржуазная семейная группа. Таким образом, подобным вещам-монументам (кроватям, буфетам, шифоньерам) и их взаимной соотнесенности соответствует стойкость традиционных семейных структур в весьма широких слоях современного общества.

Современная вещь, свободная в своей функции

Одновременно с переменной во взаимоотношениях индивида с семьей и обществом меняется и стиль домашней обстановки. Традиционные гарнитуры уступают место угловым диванам, задвинутым в угол кроватям, низким столикам, стеллажам, блочной мебели. Меняется и вся организация обстановки: кровать скрадывается, превращаясь в диван-кровать, буфеты и шифоньеры – в скрытые стенные шкафы. Вещи складываются и раскладываются, то исчезая, то вновь появляясь в нужный момент. Разумеется, подобные новинки не имеют ничего общего с вольной импровизацией – в большинстве случаев такая повышенная подвижность мебели, ее многофункциональность и способность до времени исчезать из виду происходят просто от вынужденного приспособления к недостатку жилой площади; это ухищрения от бедности. Поэтому если прежде столовый гарнитур нес на себе тяжелую нагрузку моральных условностей, то тонко продуманные современные интерьеры часто производят впечатление чисто функциональных решений. Им «не хватает стиля» просто потому, что не хватает места, их максимальная функциональность возникает от нужды, когда жилище, не утрачивая внутренней замкнутости, утрачивает свою внутреннюю организованность. Таким образом, деструктурирование пространства и «присутствия» вещей, не сопровождаемое их преобразованием, – это прежде всего обеднение.

Итак, современный серийный гарнитур предстает деструктурированным, но не реструктурированным вновь; ничто не компенсирует в нем выразительную силу прежнего символического строя. Однако в этом есть и прогресс – более либеральные отношения между индивидом и такого рода вещами, не осуществляющими и не символизирующими более морального принуждения; через такие вещи индивид уже не так жестко соотносится с семьей⁶. Благодаря их подвижности и многофункциональности он становится свободнее в организации пространства, что отражает и его более широкие возможности в социальных отношениях. Но подобное освобождение – сугубо неполное. Среди серийных вещей, при отсутствии новой структурированности пространства, такая «функциональная» эволюция оказывается, пользуясь терминологией Маркса, лишь эмансипацией, а не освобождением, означая *освобождение функции вещи, но не самой вещи*. Такие предметы, как легкий, разборный, нейтрального стиля стол или кровать без ножек, занавесей и балдахина – так сказать, нулевая ступень кровати, – такие предметы с «чистыми» очертаниями, как бы даже непохожие на самих себя, сводятся к наипростейшей конструктивной схеме и окончательно секуляризуются: в них стала свободной и тем самым освободила нечто в человеке их функция (или же человек, освобождая себя, освободил ее в вещах). Эта функция более не затемняется моральной театральностью старинной мебели, она не осложнена более ритуалом, этикетом – всей этой идеологией, превращавшей обстановку в непрозрачное зеркало овеществленной структуры человека. Нынешние вещи наконец стали кристально прозрачны в своем функциональном назначении. Таким образом, они свободны в качестве *объекта той или иной функции*, то есть обладают свободой функционировать и (в

⁶ Вопрос, однако, в том, не оказывается ли он через их посредство связанным со всем обществом в целом; см. на этот счет раздел «Модели и серии».

случае серийных вещей) практически не имеют никакой иной свободы⁷. Но пока *вещь освобождена лишь в своей функции, человек тоже освобожден лишь в качестве пользователя этой вещи*. Следует повторить: это прогресс, но все-таки не решительный шаг. Кровать есть кровать, стул есть стул – между ними нет никаких отношений, пока они служат лишь по своему прямому назначению. А без их соотнесенности нет и пространства, так как пространство существует лишь будучи открыто, призвано к жизни, наделено ритмом и широтой в силу взаимной соотнесенности вещей – новой структуры, превосходящей их функции. Пространство – это как бы действительная свобода вещи, тогда как функция – ее формальная свобода. Буржуазная столовая обладала структурностью, но то была замкнутая структура. Функциональная обстановка более открыта, более свободна, зато лишена структурности, раздроблена на различные свои функции. Между этими двумя полюсами – интегрированным психологическим и раздробленным функциональным пространством – и располагаются серийные вещи, соприкасаясь и с тем и с другим, порой даже в рамках одного и того же интерьера.

Интерьер-модель

Корпусные блоки

Подобное небывалое прежде пространство, где нет уже ни внешней принужденности, ни внутренней уютистости, подобная свобода и «стильность», каких не найти в серийных вещах, поработанных своею функцией, – все это наличествует зато в интерьерах-моделях. В них обнаруживается некая новая структура и некая значимая эволюция⁸.

Перелистывая роскошные журналы – «Мэзон франсез», «Мобилье э декорасьон» и другие⁹, можно заметить в них две чередующихся темы. С одной стороны, это великолепные, из ряда вон выходящие дома, старинные здания XVIII века, чудесно оборудованные виллы, итальянские сады с инфракрасным отоплением, обставленные этрусскими статуэтками, – одним словом, мир уникального, который следует лишь созерцать, не питая никаких (по крайней мере, социологически оправданных) надежд его обрести. Все эти модели аристократического жилища своей абсолютной ценностью поддерживают вторую тему – тему современного интерьера. Предлагаемые здесь вещи и предметы обстановки, хотя и относятся к высокому уровню «стэндинга», все же допускают социальную реализацию, это уже не просто воображаемые, вне-коммерческие творения, а именно модели в точном смысле слова. Из области чистого искусства мы попадаем в сферу, затрагивающую, по крайней мере в потенции, все общество. Такого рода авангардные модели мебели строятся на фундаментальной оппозиции *корпусные блоки/мягкая мебель* и подчиняются практическому императиву *расстановки*, то есть синтагматической исчислимости, которому противостоит (так же как мягкая мебель противостоит корпусной) общее понятие домашней «среды».

⁷ Сходным образом буржуазно-промышленная революция постепенно избавляет индивида от повязанности религиозными, моральными, семейными структурами, он обретает свободу де-юре в качестве человека, но де-факто – лишь в качестве рабочей силы, то есть свободу продавать себя как рабочую силу. Это не случайное совпадение, но глубокое соответствие: «функциональный» серийный предмет, равно как и социальный индивид, освобождается в своей «функциональной» объективированности, но не в своей особенности и целостности, как вещь или как личность.

⁸ Таким образом, происходит это на уровне привилегированной части общества. Существует целая проблема – социологическая и социальная, – состоящая в том, что определенная узкая группа людей обладает конкретной свободой через посредство своих вещей или домашней обстановки выступать в качестве модели в глазах всего общества. Эта проблема будет обсуждаться ниже (раздел «Модели и серии»).

⁹ Невозможно представить себе журнал, посвященный серийной мебели; для этой цели существуют лишь каталоги.

«**ТЕКМА**: составные корпусные блоки, которые можно сочленять, трансформировать и расширять; гармонически сочетаясь, они образуют безупречно однородную обстановку; они функциональны и удовлетворяют всем требованиям современной жизни. Они отвечают на все ваши потребности: в каталоге имеются полки для книг, бар, блок для радио, платяной шкаф, вешалка, секретер, буфет, комод, шкаф для посуды, полки под стеклом, стеллаж для бумаг, выдвижной стол.

ТЕКМА изготавливается из смолистого тика или из лакированного красного дерева».

«**ОСКАР** : создайте своими руками среду своего дома в стиле **ОСКАР**! Увлекательно и непривычно! **ОСКАР** – это мебельный конструктор, комплект деталей для сборки.

Откройте для себя удовольствие своими руками построить уменьшенную красочную модель своей обстановки! Вы создаете ее у себя дома, не спеша, пробуя разные варианты!

Наконец, найдя окончательное решение, вы заказываете себе гарнитур **ОСКАР** по оригинальной персональной модели, и он станет гордостью вашего дома!»

«**МОНОПОЛИ**: Любой из гарнитуров **МОНОПОЛИ** станет лучшим другом вашей индивидуальности. Это высококачественная столярная работа по тика или макоре, четырехсторонние корпусные блоки со скрытыми сочленениями, допускающие бесконечно многообразную компоновку мебели в полном соответствии с вашими вкусами, мерками, потребностями.

Корпусные блоки едины по форме и многообразны по комбинациям; остановив на них свой выбор, вы и в своем доме создадите изысканную атмосферу, о которой мечтаете».

Подобные примеры показывают, как над функциональной вещью надстраивается некий новый уровень организации быта. Символические и потребительские ценности отступают на второй план, оттесняемые смысловыми элементами организационного порядка. Субстанция и форма старой мебели окончательно отбрасываются ради предельно свободной игры функций. Вещи более не наделяются «душой» и не наделяют нас более своим символическим «присутствием»; наше отношение к ним делается объективным, сводится к размещению и комбинаторной игре.

Значимость такого отношения – уже не инстинктивно психологического, а тактического порядка. Знаками вашей личности служат те или иные приемы конструктивной игры, а не ваше таинственно-уникальное отношение к вещам. Устраняется фундаментальная замкнутость домашнего интерьера, и происходит это параллельно с изменением социальных и межличностных структур.

Стены и свет

Сами комнаты выходят за традиционные рамки стен, делавшие дом укрывным пространством-убежищем. Комнаты распахиваются, всецело сообщаются друг с другом, разбиваются на подвижные сектора, когда в каждом углу образуется своя особая зона, плавно переходящая в соседние. Происходит либерализация комнат. Окна – это уже не отверстия для воздуха и света, который раньше падал на вещи *извне* и освещал их «как *изнутри*». По сути, окон больше нет, а свет, вместо того чтобы проникать *извне*, стал как бы универсальным атрибутом каждой вещи. Точно так же и сами предметы утратили лежавшую в их основе субстанцию и замыкавшую их форму, с помощью которой человек привязывал их к своему воображаемому облику; ныне между ними свободно играет пространство, становясь универсальной функцией их взаимосвязей и «эффектов».

Освещение

Многие детали показательны для такого рода эволюции – например, тенденция скрывать источники света. «В уступе потолка по всему периметру комнаты располагаются неоновые лампы, скрытно освещающие собой все пространство». «Однородный свет от ламп, скрытых в нескольких точках: на потолочной кромке вдоль занавесей, над шкафами, под верхними стенными шкафами и т. д.» Источник света словно рассматривается как лишнее напоминание о том, откуда происходят вещи. Даже когда свет не падает с потолка на собравшееся за столом семейство, даже будучи рассеянным, исходящим из многих точек, он все еще остается знаком особо укромной интимности, накладывает на вещи особую значимость, оттеняет их, очерчивает контуры их присутствия. Понятно, что система, тяготеющая к исчислимости простых и однородных элементов, стремится устранить даже малейшие признаки такого внутреннего свечения вещей, символически обволакивающих взором или желанием.

Зеркала и портреты

Другой симптом – исчезновение больших и малых зеркал. О Зеркале было так много метафизических рассуждений – пора бы написать и его психосоциологию. Традиционная крестьянская обстановка не знает зеркал и даже, пожалуй, опасается их: в них есть что-то колдовское. Напротив того, буржуазный интерьер, постольку поскольку он продолжает жить в современной серийной мебели, отличается множеством зеркал – на стенах, шкафах, сервировочных столиках, буфетах, панелях. Как и источник света, зеркало представляет собой особо отмеченное место в комнате: в богатом доме оно всякий раз играет идеологическую роль избытка, излишества, отсвета; в этом предмете выражается богатство, и в нем уважающий себя буржуазный хозяин обретает преимущественное право умножать свой образ и играть со своей собственностью. В более общей форме можно сказать, что зеркало, как символический объект, не просто отражает черты индивида, но и в своем развитии сопровождает развитие индивидуального сознания как такового. Тем самым оно несет в себе залог целого общественного строя; не случайно век Людовика XIV воплощается в версальской Зеркальной галерее, а в более близкую к нам эпоху – от Наполеона III до стиля модерн – бурное распространение комнатных зеркал совпало с распространением торжествующего фарисейства буржуазного сознания. Но с тех пор многое переменилось. В функциональной гарнитуре более не практикуется отражение ради отражения. Зеркало остается лишь в ванной, без всякой рамы, обретая там свою прямую функцию. Получив себе точное назначение в заботе о внешности, которая требуется для социального общения, оно избавляется от изящных чар субъективно-домашней среды. А тем самым и остальные вещи освобождаются от него, им больше не грозит соблазн замкнуться в самолюбовании. Действительно, зеркало придает пространству завершенность, позади него предполагается стена, а само оно отсылает вперед, к центру помещения; чем больше в комнате зеркал, тем ярче сияет ее интимность, но одновременно и самозамкнутость. Нынешняя тенденция создавать как можно больше проемов и прозрачных перегородок идет в прямо противоположном направлении. (К тому же создаваемые зеркалом оптические эффекты идут вразрез с современным требованием, чтобы каждый материал открыто заявлял о себе.) Оказался разорванным некий круг, и следует признать за современной обстановкой реальную логику: в ней последовательно устраняются как центральные, слишком видные источники света, так и отражавшие их зеркала, то есть одновременно и фокус излучения и возвратная отсылка к центру, – избавляя пространство от конвергентного страбизма, когда домашняя обстановка, как и

все буржуазное сознание, вечно косилась сама на себя¹⁰. Исчезла и еще одна вещь, составлявшая параллель зеркалу, – семейный портрет: свадебная фотография в супружеской спальне, ростовой или грудной портрет хозяина дома в гостиной, развешанные повсюду изображения детей. Все эти предметы, составлявшие как бы диахроническое зеркало семьи, исчезают вместе с настоящими зеркалами на известной стадии современной цивилизации (пока еще относительно мало распространившейся). Даже картина – оригинал или репродукция – находит себе место в таком интерьере уже не как абсолютная ценность, а как элемент некоторой комбинаторики. То, что в убранстве комнат над картиной стала преобладать гравюра, объясняется помимо прочего ее меньшей абсолютной значимостью, а стало быть большей значимостью ассоциативной. Подобно лампе или зеркалу, ни одна вещь не должна слишком интенсивно фокусировать в себе пространство.

¹⁰ В некоторых случаях зеркало вновь вступает в свои права, но уже во вторичной функции, как причудливый элемент культурного наследия, – например, зеркало «романтическое», «старинное», выпуклое. Назначение его уже совсем иное; оно будет анализироваться ниже, в ряду «старинных» вещей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.